

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

СРЕДИ СТИХОВ.

- П. Н. ПЕТРОВСКИЙ.** Последние песни. Изд-во З. И. Гржебина. М. 1922. Стр. 80.
- ПАВЕЛ СУХОТИН.** В черные дни. Изд-во З. И. Гржебина. М. 1922. Стр. 152.
- АЛЕКСАНДР БЕЛЕНСОН.** Врата тесные. Вторая книга стихов. ПБ. 1922 г. Стр. 48. С портретом автора.
- В. ЗОРГЕНФРЕЙ.** Страстная суббота. Стихи. Изд-во „Время“. ПБ. 1922 г. Стр. 56.
- ФЕДОР СОЛОГУБ.** Свирель. Русские бер-жереты. ПБ. 1922 г. Стр. 62.
- ЛИРИЧЕСКИЙ КРУГ.** Страница поэзии и критики. 1 изд. „Северные дни“. М. 1922 г. 2 Стр. 96.
- ОСТРОВИТАНЕ.** 1 декабрь 1921 год. ПБ. Стр. 48.
- НИК. ТИХОНОВ.** Орда. Стихи. ПБ. 1922. Стр. 64.
- С. КОЛБАСЬЕВ.** Открытое море. Поэма. ПБ. 1922. Стр. 32.
- МАРИНА ЦВЕТАЕВА.** Версты. Стихи. Изд. „Костры“. М. 1921 г. Стр. 56.
- Н. АСЕЕВ.** Стальной соловей. Изд. Вхутемас. М. 1922 г. Стр. 26.

Поток стихотворных сборников не убывает. Розовые, белые, серые, зеленые, голубые и иные книжки, с размеренными строчками внутри, продолжают рассыпаться по прилавкам книжных лавок. Покупаются ли эти сборнички?— не сумею ответить; но если кто-нибудь систематически их собирал и читал, вряд ли он не пожалел о затраченных деньгах и потерянном времени. По крайней мере, из тех двух десятков новых книжек со стихами, которые разными путями собрались у меня на столе, большая часть определенно принадлежит к одному жанру: скучному.

Скучны эти стихи прежде всего потому, что все они напоминают великое множество других стихов, читанных и десять, и двадцать, и тридцать лет тому назад. Не то только, что в этих стихах те же темы, которые давно стали даже

не традиционными, а шаблонами, те же самые слова, которые, вот уже полстолетия, составляют тощий словарь «средних» стихотворцев, те же размеры и рифмы у одного автора, как у другого, и т. д.,—но особенно то, что и самый подход к изображению своего чувства, своей мысли безнадежно схож с приемами всем знакомых поэтов: словно есть какие-то рельсы, пять-шесть твердо проложенных путей, свернуть с которых новые «певцы» никак не в силах и на которые фатально попадает их речь, как только они начинают слагать стихи. Достаточно пересмотреть первые строки стихотворений, чтобы почувствовать эту роковую неизбежность:

День знойный дымно догорел...

Там, где розы вдыхают душистые...

Чего-то жду неутомимо...

В окна льется вечерняя мгла...

Цвет яблонь розовато-бел...

Эти примеры взяты из книжки П. Н. Петровского, о котором предисловие Ю. Айхенвальда сообщает, что «он не может не петь», что у него «несложная, но задушевная, красивая и приятная песня» и что она (эта песня) «звучит у него чистым лирическим звуком». Ничего дурного сказать о стихах П. Н. Петровского нельзя, но все же мучительно скучно перечитывать такие, напр., строфы:

Вербы наивные,
Бело-пушистые,
Звоны призывные,
Помыслы чистые.

Мало что изменится, если вместо розовой книжки Петровского мы возьмем белую книжку Павла Сухотина:

Опять брожу у речки малой...

И опять эта мгла на полях и в саду...

Нынче я с утра и стар и болен...

На дворе и мороз и луна...

и т. д. Если есть какая разница между двумя книжками, то в том, что П. Петровский на все умиляется, а П. Сухотин все видит в «черном цвете», уверяет, что «душа его—кладбище», и предлагает своему сердцу:

Ты же, сердце, поскорее
Срок последний отстучи!

А затем бесконечной вереницей идут рифмы, столь новые, как: «хлебе—небе», «пламень—камень», «дверца—сердце», «вновь—любовь», «крови—любви», «одеждам—надеждам» и т. п. Впрочем, автор и сам сознается: «песни *давние* пою», «и в снах *бывалое*», «со мной *все те же* думы» и т. д.

И еще раз «песни давние», «сны бывалые» и «все те же думы» встретят нас в бело-желтой книжке Александра Беленсона. У этого автора тоже есть и свое отличие: он не умиляется на все и не видит все в черном, но зато усердно занят божественным. Почти в каждом стихотворении у него какие-нибудь слова, которые ему приходится печатать с большой буквы:

К Царице Небесной ближе...

С Младенцем на руках Пречистая...

Меня Господь не опалит...

Премудростью в Божьем Сыне...

Святой вкушает Серафим...

и т. п. В стихотворении как бы программном, где автор объявляет:

Мы рождены для песнопений
О тайнах неземных красот...

слово «Бог» повторено даже трижды да, кроме того, еще «Творец» и «Господний». От всего этого стихи А. Беленсона не сделались менее скучными, а кое-где оказались чуть что не комичными:

Тесней врата небес
Замочных скважин.
Юлит проворный бес,
Но дух отважен,
Лучисто-важен,
Ведет его Гермес.

С весьма скромным приношением «на алтарь Муз» выступил В. Зоргенфрей. Из предисловия узнаем, что в книжку включены стихи с 1904 по 1921 год, т.-е. за 18 лет, но в ней всего 30 стихотворений, при чем 16 из них сам автор признает «юношескими», а «зрелых» за 14 лет (с 1908 по 1921 г.г.) оказывается только 14, ровно по одному стихотворению на год! При такой строгой самокритике стихи все же довольно бесцветны. Три пьесы посвящены столь новой теме, как «Лилит» (см. Федора Сологуба и др.):

Я ждал тебя. Не спрашиваю, кто ты,
Любимая. Я знаю, ты—Лилит.

Я целую плащ узорный...

и т. д. Одно стихотворение развивает мысль, что, несмотря на революцию и мировые перевороты, жизнь продолжает идти по-прежнему:

Сегодня то же, что вчера,
И Невский тот же, что Ямская...

Другое—критикует астрономов, которые «тщатся бег свободный (земли, как планеты) подчинить—незыблемым и мертвенным законам»; остается неясным, почему этот «бег» признан «свободным», и еще менее ясным уверение, что земля когда-нибудь «помчит нас—туда, где нет ни Севера, ни Юга». Еще одно—посвящено философской проблеме о непознаваемости сущностей, что излагается в таких строфах:

Пытал на глухом бездорожья
У мертвенных чисел, у книг,
Но тяжкой премудрости Божьей
Свободной душой не постиг...

(О, эти клише!—«глухое бездорожье», «свободная душа» и т. п.) В общем от 18 лет работы можно было бы ожидать гораздо большего. Впрочем, справедливость требует оговорки, что, в ряду рассмотренных книг, сборник В. Зоргенфрея все же интереснее всех других; в том же стихотворении, начинающемся с «бездорожья», есть совсем хорошие строфы; есть удачные стихи и в других пьесах.

Зато, к сожалению, трудно сделать оговорку к новым стихам Федора Сологуба: они просто скучны, и больше ни-

чего. Правда, в данном случае причина лежит не в исполнении, а в самой замысле автора. Ф. Сологуб напал на злополучную мысль — написать «русские бержереты», т.-е. «пастушеские» стихи, в приторно-сентиментальном вкусе, как они писались во Франции, в эпоху Людовика XV. Как большой мастер, Ф. Сологуб хорошо справился с задачей, но какво читать целую книжку таких подделок под старинные подделки, точным счетом 26 подобных пьес (чуть не вдвое больше, чем В. Зоргенфрей написал вообще стихотворений за 14 лет жизни)!

Весна сияла ясно,
Фиалка расцвела.
Филис легка, прекрасна,
Гулять в поля пришла.

В лес пришла пастушка,
Говорит кукушке:
Погадай, кукушка,
Сколько лет пастушке
Суждено прожить.

В лугу паслись барашки.
Чуть веял ветерок.
Филис рвала ромашки,
Плетя из них венки.

Филис—Сильвандр, Лиза—Колен, Нинета—Амур, и опять Амур, и еще Амур, и снова барашки, и вновь фиалки... нет! две-три такие стилизованные песенки были бы милым подарком нашей литературе, но целая книга их, это — чересчур!

Целый альманах (по предисловию, впрочем, не «альманах», а «сборник») в том же жанре, т.-е. скучном, представляет собою книжка «Лирический круг», где участвуют: Анна Ахматова, Ю. Верховский, Л. Гроссман, К. Липскеров, О. Мандельштам, Софья Парнок, С. Соловьев, Вл. Ходасевич, С. Шервинский, А. Эфрос и др. Здесь Ю. Верховский пишет стихи алкеевой строфой и с латинскими эпиграфами,—

Чтоб вышние боги с улыбкой воззрели
И слух преклонили бы свой.

Л. Гроссман сочиняет «сонеты на полях Пушкина»,—сонеты самые акмеистические, в которых, для уловления четверной рифмы, приходится, напр., к слову «Бергамо» добавлять «где родился Арлекин», Москву называть «столица гнев-

ных Иоаннов», измышлять «унылые болота приволжских чащ» и т. п. О. Мандельштам, стилизуясь под античность, изображает, как душа является в царство Персефоны. С. Соловьев описывает в стихах типы из романов Диккенса. С. Шервинский делает признание, что его «отсталые персты—к цевнице тянутся с волненьем», или рассказывает, как «чья-то лира на ступени—бросает тень у ног моих». Другие тоже поддерживают этот ансамбль лир, цевниц, свирелей, психей, наперсников и т. под., так что везде в сборнике—Горации, Ферраро, Кремоны, Данте, Петрарки, Ювалы и, в конце концов—

... Природа не сама ли
Серебристым облаком сию по-
крыла медь.

В статьях альманаха (или «сборника») разъясняется, что весьма дурно, если поэт насильственно выискивает хитрые рифмы, без отношения к смыслу подбирает аллитерации и т. п., и что поэтам должно учиться «у древних римлян и Пушкина». Если это программа группы «Лирического круга», то тоже—весьма не новая.

После этих и подобных сборников (упомянутые далеко не исчерпывают всех новых книг того же жанра) отдыхаешь хотя бы и на самых несовершенных попытках свернуть в сторону с давно заржавевших рельс. Такой попыткой,—хотя именно «весьма несовершенной»,—представляются книги «островитян»,—повидимому, новой группы петербургских поэтов. Пока «островитян» объявилось только трое: двое из них, Н. Тихонов и С. Колбасев, напечатали по тоненькому сборничку стихов, а все втроем, с участием К. Вагинова, издали маленький альманах из 17 стихотворений. Определенной программы в стихах островитян пока нет; единственное, что их роднит между собой, это—попытки выбиться из шаблона эпигонов символизма. К. Вагинов подходит к этой задаче немного через футуризм, беря у футуристов преимущественно приемы образа. Отдельные строки в стихах Вагинова интересны, но образы между собой не согласованы и стих, несмотря на нарочитые аллитерации, тускл и незвучен. С. Колбасев стремится к простоте

речи, хочет действовать на читателя сжатым реализмом своих картин; но очень часто это приводит автора к самой несомненной прозе. Наиболее лиричен из трех островитян—Н. Тихонов, но зато он и более других опять сби-вается к шаблонам. Таким образом, общий итог достижений новой группы пока невелик, но... *ut desint vires* и т. д.

К жанру «скучных» произведений несправедливо было бы отнести новую книгу стихов Марины Цветаевой. Ее стихи скорее—интересны, но они как бы запоздали родиться на свет лет на 10 (впрочем, большая часть их помечена 1917 и 1918 г.г.). Десятилетие назад они естественно входили бы в основное русло, каким текла тогда наша поэзия. С тех пор многое из делаемого теперь М. Цветаевой уже сделано другими, главное же, время выдвинуло новые задачи, новые запросы, ей, повидимому, совсем чуждые. А той художественной ценности, так сказать «абсолютной», которая стоит выше условий не только данного десятилетия, но и столетия, иногда даже тысячелетия, — стихи М. Цветаевой все же не достигают. Лучшее в ее книжке это—песни, немного в манере народных заклятий или ворожбы. Женственный оттенок, приданный автором таким его стихотворениям, делает их оригинальными и рядом с подобными же стихами других символистов. Таковы, напр., строфы:

В лоб целовать—заботу стереть.

В лоб целую.

В глаза целовать—бессонницу снять.

В глаза целую... и т. д.

Совсем интересная книга—новый сборник стихов Н. Асеева. Читателям, не знакомым с его предыдущим сборником («Бомба», издан в 1921 г., во Владивостоке), она являет автора «Оксаны» в новом свете, показывая, что за последние годы он прошел не малый путь самосовершенствования, вырос, окреп. Но говорить о стихах Н. Асеева удобнее в связи с общим развитием русского футуризма и прежде всего с изданной, наконец, книгой Б. Пастернака «Сестра моя жизнь»,—написанной еще в 1917 г. и, в списках, оказавшей глубокое влияние на всю нашу молодую поэзию.

Валерий Брюсов.

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ. В такие дни. Стр. 98.
М. 1921.

Когда мы теперь оглядываемся на наше близкое прошлое, годы, помечающие стихи этой книги, кажутся насыщенными таким несчетным количеством событий и ощущений, что перед ними невольно преклоняешься. Фрейд сказал бы, что преклонение происходит собственно пер д самим носителем преклонения, т.-е. перед самим собой. Может быть, он прав в своей области,—области бессознательного. Мы сознаем себя часто бессильными дать этому дорогому прошлому страданию (его было много, но пропорционально много для людей, я не говорю о собаках) стойкую и достойную его модель. Поэтому всякая проба на этом пути, особенно, если она связана с личностью исторического деятеля (а таким, даже и для врагов, является автор «Огненного Ангела»), в наши дни особенно важна и радостна, именно в свете «таких дней». Многие сделают В. Брюсову упрек в том, что его книга, написанная в исключительно трагическое время, сохранила все элементы постройки его предшествующих сборников, но в этом и заключается ее особенный интерес: фикция мгновенных перерождений человека давно уже разоблачена, и сознательное ее афиширование неизбежно создает для современника неприятное ощущение неискренно нарочитой стилизации. Нам интересен настоящий Брюсов в период настоящей революции, и сборник отвечает нашему интересу, не только в тех его отделах, где автор прямо говорит о политике (это для него новости не составляет: он и в самых ранних своих книгах писал стихи этого рода), но и там, где он говорит о «вечной правде кумиров», о мелькающих «ночах и днях», которые до сих пор не могут ему примелькаться. Говорить подробно про отдельные пьесы книги в пределах заметки невозможно: отмечу только интересный поворот в сторону «молодых приемов» Брюсова, оставленных им, было, со времени «Третьей стражи»:

Земля? Зелененький мяч.

Луна? Нет совсем.

Человеческий плач

В пространствах нем.